

УДК 821.161.1

**НРАВСТВЕННЫЕ ПОЗИЦИИ А.Т. БОЛОТОВА И Н.И. НОВИКОВА
КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭПОХИ**

© 2013 г.

А.А. Бахтина

Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского

salina.alena@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.12.2012

Рассмотрены взаимоотношения двух представителей эпохи Просвещения — А.Т. Болотова и Н.И. Новикова. Описаны особенности дипломного сочинения А. Блока, определено его отношение к русскому масонству XVIII века и представителям «реакционного лагеря».

Ключевые слова: эпоха Просвещения, масонство, Новиков.

Известно, что каждая историческая эпоха оказывает влияние на становление нравственной позиции человека, его характера, привычек, вкусов и т.д. XVIII век — эпоха Просвещения — любопытна прежде всего своей противоречивостью как в политике, так и в культурной жизни общества. Подобная противоречивость, заданная исторической эпохой, прослеживается и в поведении многих выдающихся людей. Даже лучшая часть русского общества в большинстве своем следовала массовым стереотипам. Любые попытки изменить существующие отношения воспринимались в лучшем случае настороженно, новаторы становились изгоями.

Андрея Тимофеевича Болотова (1738–1833 гг.), известного русского мемуариста XVIII века, справедливо причисляют к просвещенным людям его времени: он был сторонником самосовершенствования и гармоничного развития личности, проповедовал идеи гуманизма и слыл добросердечным помещиком¹. Автобиография А.Т. Болотова «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» (далее — «Записки») — это прекрасный материал для исследователей, занимающихся историей ментальностей: поскольку Болотов скрупулезно фиксирует все события своей жизни и всегда высказывает свое мнение по любому поводу, то не составляет никакого труда проследить формирование его нравственных ценностей. А.Т. Болотова недаром называют типичным представителем эпохи: в его поведении органично сочетаются самые противоречивые черты² (чувствительность и даже стыдливость в обращении с дамами, что, впрочем, нисколько не мешает ему придирчиво выбирать жену и жестоко наказывать крепостных (исключительно в воспитательных целях); отсутствие стремления к наживе (должность управляющего крупными губер-

ниями позволяла при желании получить «дополнительный» доход) и крайний прагматизм, проявившийся в общении с Н.И. Новиковым и т. д.). Подобная двойственность, как отмечают исследователи, была вполне обычной для эпохи Просвещения³. «Записки» Болотова интересны прежде всего тем, что позволяют, как писал Виктор Шкловский, «увидеть в человеке тон эпохи» [1, с. 18]. Этот «тон эпохи», выразившийся в столкновении двух моделей поведения, двух мировоззрений, стал предметом исследования А.А. Блока.

А.А. Блок — не первый, кто заинтересовался жизнью и творчеством Болотова⁴, однако его дипломное сочинение «Болотов и Новиков» (1904 г.) — едва ли не самая ранняя попытка определить систему ценностей А. Болотова, показать ее во взаимодействии и столкновении с позициями других людей. Вместе с тем статья Блока грешит односторонностью (автор подробно останавливается на самообразовании и философских предпочтениях Болотова, поскольку все это в дальнейшем сказалось на его взаимоотношениях с Новиковым, но не берет во внимание бытовое поведение А.Т. Болотова в кругу семьи, друзей и т. п.).

Поскольку А. Блок явно осуждает позицию Болотова (хоть и причисляет его к лучшим людям эпохи), то имеет смысл кратко обрисовать характер А.Т. Болотова.

Существует несколько типологий, рассматривающих исторические биографии под разными углами зрения. Целям нашего исследования в большей степени соответствует типология, предложенная итальянским историком Джованни Леви⁵. Он делит биографии на 4 типа в зависимости от цели исследования и роли, которую сыграл тот или иной человек в мировой истории⁶. Нас интересует тип, названный Леви «контекстуальная биография». Как следует из

названия, историческая эпоха в данном случае предопределяет человеческие поступки и задает определенную матрицу поведения, человек же пассивен: он следует поведенческим/культурным и т. п. моделям, предписываемым обществом, не бунтует против существующего уклада жизни, не совершает значительных поступков, способных изменить ход истории. Получается своеобразная «жизнь по образцу».

Автобиография Болотова будет в этом плане типичным образцом «контекстуальной биографии». Система ценностей и модели поведения А.Т. Болотова были, безусловно, сформированы эпохой «просвещенного абсолютизма»⁷. Как уже говорилось выше, Болотов был сторонником постоянного самосовершенствования, но его философские или литературные предпочтения, сформировавшись в молодости, не претерпели в дальнейшем никаких изменений, и все попытки приятелей повлиять на его позицию не имели никакого успеха. А. Болотова, как и почти всех представителей дворянского сословия, конечно же устраивал существующий крепостнический строй, он даже считал, что свобода неблагоприятно воздействует на «темную» массу населения («С сей стороны ничто так не наводит опасения, как крайняя глупость, непросвещенность, грубое невежество и... дурнота нравственного характера нашей черни, весьма неспособной еще к тому, чтоб иметь правильное понятие о свободе» [2, с. 128]), но вместе с тем он осуждал помещиков, перегибающих палку в наказаниях, и сторонился общения с ними. Несомненной заслугой А.Т. Болотова можно считать основание в 1784 г. волостного училища для крестьянских детей (данный поступок в полной мере соответствует идеалу «просвещенного» человека) и лечение крестьян. При всем при этом Болотов был сторонником существующего политического строя и покушения на него воспринимал крайне негативно.

Болотов знал несколько иностранных языков, обладал обширной библиотекой, круг его интересов был весьма значительным; он активно включается в культурную жизнь страны. Несомненно, в первую очередь Болотовым двигало желание поделиться знаниями, почерпнутыми как из собственного опыта, так и из переведенных им книг, поэтому переписка с Вольным экономическим обществом, переставшая удовлетворять его интересам, переросла в издание собственного журнала («Сельский житель», позднее — «Экономический магазин»), где Болотов в полной мере мог раскрыть свой талант. Немаловажным для него было и заявить о себе как о специалисте в той или иной области. Что касается творчества, то тут Болотов действовал

по принципу «всего понемногу»: он рисовал картины, мастерил комнатные фонтаны и прочие безделушки, сочинял загадки для детей и т. д. Болотов, человек с неиссякаемой энергией, старался принимать участие во всем. Особенно он заботился о воспитании подрастающего поколения: все, что он писал для детей, носило ярко выраженный дидактический характер (о литературном таланте тут говорить не приходится: произведения были откровенно слабыми). Таков в общих чертах портрет А.Т. Болотова.

Первоначальный вариант работы А. Блока, предложенный его научным руководителем И.А. Шляпкиным, должен был быть посвящен исключительно А.Т. Болотову, поскольку его творчество было практически не изучено в XIX — начале XX века. Кроме того, обращение к «Запискам» Болотова было удобно в контексте культурно-исторического метода, сторонником которого был Шляпкин, и с точки зрения исследования «общественной психики» (почему появилось то или иное произведение) [3, с. 273]. Описываемая Болотовым встреча с Новиковым заинтересовала Блока, увлекавшегося мистическими идеями Вл. Соловьева: в масонстве Новикова Блок видел некое предвестие собственных идей. Исследование мемуаров Болотова переросло в сопоставление двух представителей «лучшей части» русского общества XVIII века. Детально рассматривая взаимоотношения Болотова с Новиковым, Блок приходит к заключению, что даже такой просвещенный человек, как Андрей Тимофеевич Болотов, не был в состоянии понять прогрессивные взгляды Новикова.

Рассмотрим подробнее, на чем основаны выводы А. Блока. Во-первых, он совершенно справедливо указывает на весьма поверхностное образование А. Болотова. Действительно, своим образованием Болотов был во многом обязан самому себе, ни о какой системности говорить в данном случае не приходится. Литературные вкусы Болотова складывались под влиянием модных тогда переводных романов, художественное достоинство которых оставляло желать лучшего; «Записки» Болотова также не отличились литературным совершенством. Так, описывая свою встречу с Новиковым, Болотов передает весь диалог своими словами, поскольку стиль Новикова был ему совершенно чужд.

Во-вторых, А. Блок последовательно выстраивает свою статью так, чтобы показать настороженное отношение Болотова к Новикову. Вполне естественно, что Новиков, выпускавший сатирический журнал, не мог внушать осторожному Болотову доверия. Болотов по своему характеру был чрезвычайно осмотрительным человеком, причем осмотрительность час-

то переходила в откровенную трусость, поэтому общение с Новиковым было сведено им до необходимого минимума (решение вопросов, связанных с изданием «Экономического магазина», собственных сочинений, продажей книг в Туле).

Отдельно следует остановиться на характере выпускаемых ими журналов. Напомним, что в 1769–1770 гг. Новиков выпускал сатирический журнал «Грутень» (критика галломании русского дворянства, осуждение крепостнического строя), полемизировавший со «Всякой всячиной» Екатерины II; с 1772 по 1773 г. Новиков работает над еженедельным сатирическим журналом «Живописец» (критика существующего крепостнического строя). Болотов же предпочитал тематику, далекую от обличения и высмеивания. «Сельский житель» и «Экономический магазин» некоторое время удовлетворяли его авторское самолюбие, но скоро желание «принести отчеству пользу» многочисленными сельскохозяйственными советами сошло на нет. Новый проект Болотова, в полной мере соответствующий его литературным предпочтениям, был связан с журнальным вариантом «Детской философии», которую так и не удалось издать Новикову, и носил морализаторский характер.

Пока Новиков выступал лишь в качестве издателя «Экономического магазина», он вполне устраивал Болотова и был для него желанным гостем и добрым другом. Однако все изменилось, стоило лишь Новикову заговорить с Болотовым о масонстве. У Новикова, видевшего в масонстве один из способов распространения знания, несомненно, не было стремления сделать из Болотова бездумного исполнителя, однако последний воспринял все именно так: «...вздумалось ему испытать, не удастся ли ему и меня таким же образом втянуть в свое сокровенное общество или шайку масонов, как учинил он то со многими уже другими, и с тем бесспорно намерением, чтоб чрез то, как гранметру сей секты, сделать и меня своим с сей стороны подчиненным и приобрести во мне дарового работника и всем своим хотениям и повелениям безотговорочного исполнителя» [4, с. 932]. Выяснив взгляды Болотова на масонство, Блок последовательно показывает перемену, произошедшую во взаимоотношениях Болотова и Новикова. Первоначально это было только ограничение встреч по времени и сведение разговора только к обсуждению деловых вопросов; далее Блок показывает, как Новиков постепенно превращается из «друга» в «издателя»: Болотов, почувствовав неладное, обходил Новикова и его знакомцев стороной, а позже, когда тот впал в немилость у Екатерины II, был озабочен только тем, чтобы вернуть свой авторский гонорар.

Эти упреки Блока в известной степени справедливы, однако он, так подробно проанализировав становление характера Болотова, упорно не замечает: то, что он расценил как инстинктивную заботу о собственном благополучии («Болотова заботил только собственный проигрыш» [6, с. 74]), на самом деле – лишь проявление разумного эгоизма и было вполне естественно для А.Т. Болотова.

«Нужные предосторожности», к которым был вынужден прибегнуть Болотов (зная, например, что по вечерам у Новикова собирается компания единомышленников, он предпочитал ездить к нему по делам только утром), стали для Блока показателем не только трусости и умственной ограниченности Болотова, но и окончательно утвердили в мысли, что А.Т. Болотов был противником прогресса, который мыслился Блоком как органичное сочетание активной просветительской деятельности и мистицизма, воплощением чего и был Н.И. Новиков. Пассивность и реакционность Болотова, наряду с прагматизмом, вызывали у Блока резко негативное восприятие. Как ни странно, Блок, уже писавший о поверхностном образовании Болотова, не учитывает, что тот был лишь поверхностно знаком с масонским орденом и вряд ли бы увидел различие между ложей Новикова и, к примеру, Елагина. Между тем различие было, и весьма существенное: в то время как традиционное масонство занималось лишь обрядовой стороной, Новиков и его сторонники уделяли внимание совершенствованию «внутреннего» человека. Такая установка вполне соответствует точке зрения Болотова, для которого также имело первостепенное значение самосовершенствование: «Хоромы и образа не просвещают. Бог на всяком месте слышит... Можно Богу и ходя и сидя и лежа молиться. Бог одного только усердия требует а иногда один усердный вздох к нему во сто мер ему приятнее, нежели длинные, но без всякого усердия читанные молитвы» [2]. Расспросы Новикова о масонстве отпугнули и без того трусливого Болотова, для которого братство Вольных Каменщиков было «недозволенным предприятием» [5, с. 169]. Позднее Болотов вспоминает: «Оный (день) привезли нам из Тулы первое известие о гонении, воздвигнутом в Москве на господ Мартинистов, и что самый их глава г. Новиков взят и куда-то сослан; а книги его и весь дом опечатан. Сие услышавши, поразился я сожалением о сем моем и всегда благоприятствовавшем мне знакомце и приятеле, а вкупе и порадовался тому, что бог отвел и сохранил меня от того, что я не входил с ним никогда ни в какую темную связь, а по носящимся о какой-то их

секте сомнительствам, *всегда имел к нему недоверку и при всех случаях от поверенного с ним обхождения удалялся и бегал от него, как от огня* [6, с. 77] (курсив автора).

Болотов, знакомый с масонством только с одной его стороны (первоначально приглашение вступить в орден он получил от графа Орлова, принимавшего участие в дворцовом перевороте, и, вероятно, именно с той поры у Болотова и возникло резко негативное отношение к масонству как к угрозе спокойствию и благополучию), и слышать ничего не хотел о предложении Новикова, хотя их убеждения были, в принципе, созвучны.

Негативное отношение А. Блока к Болотову объясняется тем, что холодный рационализм и прагматизм последнего не отвечали идеалам исследователя. Гораздо ближе и притягательнее был мистицизм Н.И. Новикова, позже нашедший отражение в творчестве не только А. Блока, но и других поэтов-символистов.

Примечания

1. По меркам XVIII века А.Т. Болотов действительно гуманно обращался с крепостными, хотя порой ему и приходилось их наказывать.

2. То же самое отмечает и А. Блок: «Эту смесь некоторой жестокости с сентиментальностью едва ли можно считать пороком. Это – характерная черта эпохи» [6, с. 20].

3. Вспомним хотя бы правление Екатерины II с ее противоречивой и даже, как отмечают некоторые исследователи, лицемерной политикой.

4. Мемуары А.Т. Болотова пользовались популярностью в XIX веке, о чем свидетельствует их неоднократное переиздание.

5. Джованни Леви – один из лидеров такого направления исторической науки, как микроистория.

Внимание исследователей привлекает изучение частных явлений, происходивших с человеком, с целью выявления общих тенденций в обществе.

6. Подробно о концепции Дж. Леви пишет С.Н. Иконникова в статье «Биография как социокультурное измерение истории» [7].

7. О подобном влиянии пишет, например, С.Н. Иконникова: «Биография человека содержит некий «эффект реальности», в отличие от общих, хотя тоже весьма конкретных сведений об эпохе и ее документов...» [7].

Список литературы

1. Шкловский В.Б. Краткая и достоверная повесть о дворянине Болотове // Красная новь. 1928. Кн. 12. С. 97–186.

2. Щерблыгина И.В. Нравственная позиция А.Т. Болотова в системе его ценностных ориентаций (К вопросу о системе ценностей русского образованного дворянства второй половины XVIII века) // Человек эпохи Просвещения. 1999. № 19. С. 120–137.

3. Рычков А.Л., Лотарева Д.Д., Халтурин Ю.Л. От Болотова к Новикову. Заметки об университетском сочинении А.А. Блока // Утренний свет Николая Новикова. М.: Центр книги Рудомино, 2012. С. 271–305.

4. Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Том третий. Части XV–XXI // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. Санкт-Петербург: Печатня В.И. Головина, 1872. 1244 с.

5. Шкловский В.Б. Краткая, но достоверная повесть о дворянине Болотове. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 188 с.

6. Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. Т. 11. 476 с.

7. Иконникова С.Н. Биография как социокультурное измерение истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/100.html&j_id=8.

MORAL PRINCIPLES OF ALEXEY BOLOTOV AND NIKOLAY NOVIKOV AS THE REFLECTION OF THEIR HISTORICAL EPOCH

A.A. Bakhtina

The relationship between Alexey Bolotov and Nikolay Novikov as representatives of the Age of Enlightenment is investigated. We also consider some distinctive features of the graduation work written by Alexander Blok and define Blok's attitude to Russian Freemasonry of the 18th century and the representatives of the «reactionary camp».

Keywords: Age of Enlightenment, Freemasonry, Novikov.